

МОГУЧАЯ ДУША АКТРИСЫ

Борис ЛИВАНОВ,
народный артист СССР

СЕГОДНЯ в нашем театре праздник. Мы отмечаем пятидесятилетие творческой деятельности Аллы Константиновны Тарасовой, народной артистки Советского Союза. Но это праздник не только Московского Художественного театра — всего советского театрального искусства.

Не собираюсь делать критический анализ творчества Тарасовой, это тема большого труда. Хочу просто поделиться тем чувством радости, которое испытываю от того, что почти весь сценический путь Аллы Константиновны прошел на моих глазах — победный путь актрисы.

Я восхищен ее талантом, восхищен расцветом ее таланта! Тарасова — подлинно русская актриса.

Прекрасное лицо, великолепный голос, превосходный темперамент, могучая душа... Все это не юбилейные преувеличения, а точный портрет Тарасовой.

Особенно сейчас, когда существует немало кривотолков по поводу актерского искусства, ее художнический облик видится мне ярким примером того, каким должно быть искусство русской советской актрисы, искусство театра реалистического, гражданского.

Тарасова глубоко и точно мыслит на сцене. А ее актерский темперамент так заразителен, что вряд ли найдется зритель, который не был бы ей благодарен за те слезы счастья, что исторгаются всякий раз от соприкосновения с ее искусством.

Я не только давний и счастливый зритель Тарасовой — многие годы я ее партнер по сцене МХАТа. В последнее время работал с Аллой Константиновной и как режиссер и очень благодарен ей за участие в поставленных мною спектаклях.

Замечательна всегда тема искусства Тарасовой — неповторимая красота и величие женской души и женской воли. Тема эта особенно сильно звучит в ее героинях из русской классической драматургии. Это не значит, что я не ценю ролей актрисы в классике иностранной, в современном репертуаре. Но творческий портрет Тарасовой не был бы столь исключителен, если бы она не была столь исключительна в ролях русской классики, где Алла Константиновна, на мой взгляд, почти не имеет себе равных.

Такие роли сыграны Тарасовой и в кино — Катерина в «Грозе», Кручинина в «Без вины виноватых»... В фильме «Без вины виноватые» я снимался вместе с ней. Кстати, картина эта скоро вновь выйдет на экраны. Для этого потребовалось ее переозвучить. И я был

счастлив вновь встретиться в этой работе с Тарасовой — Кручининой, вновь видеть ее лицо, слышать ее голос, вновь впитывать ее большое искусство. Наверное, были и другие замечательные Кручинины. Но я играл с Тарасовой, был свидетелем подлинного триумфа актрисы, и для меня этот классический образ навсегда связан с именем Аллы Константиновны — так это крупно, так это мучительно-прекрасно и неповторимо...

Я не принадлежу к числу тех, кто считает, что путь театрального искусства завершен и нужно либо повторять ранее найденные формы, либо изобретать новые. Но я убежденно и твердо знаю: путь нашего театра и литературы — раскрытие глубин человеческих характеров. И на этом пути нет и не может быть конца поискам, свершениям, самоотдаче художника. В русском понимании актерское искусство всегда жертвенно, ибо это всегда полная и беззаветная самоотдача артиста идее произведения, художественному образу. Именно такой я знал и знаю сегодня Аллу Константиновну Тарасову.

Мне очень жаль, что она мало и редко выступает в новых ролях советского репертуара. Жаль, что обещания драматургов написать пьесу, достойную ее таланта, пока не выполнены. А как стремится Тарасова к воплощению образов женщин советской эпохи! С какой великолепной взволнованностью играет она сейчас в драме В. Лаврентьева «Чти отца своего...» нашу современницу Софью Кичигину.

Необыкновенно интересно на репетициях наблюдать, как оживает у Тарасовой образ. Алла Константиновна прежде всего должна сердцем понять задачи роли. Она внимательно слушает режиссера, много думает, пробует, но до тех пор холодна, пока вдруг не откликнется ее душа. Когда же вспыхивает такой отклик, режиссеру остается только выстроить все те глубокие и тончайшие артерии, по которым устремляется ее вдохновенное искусство.

Говоря о Тарасовой, конечно же, не могу не вспомнить ее Анны Карениной. Никогда не забуду ее драматизма, ее трепетности в этой роли, особенно в той сцене, где ее Анна встречалась с сыном, с Сережей. Это было поистине откровением!

Вл. И. Немирович-Данченко сказал однажды, что театр и все в нем существуют для того, чтобы у актера на сцене зажглось хоть на одну минуту истинное вдохновение. Тарасова пода-

рила советскому искусству не одну минуту вдохновения. И самое прекрасное в том, что минуты эти навсегда остаются в сердцах ее зрителей.

Я не перечисляю сейчас всех ролей Аллы Константиновны в театре и кино. Это дело театроведов. Но я убежден, что исследованиям критиков, посвященным Тарасовой, не помешает моя взволнованность, с которой я сейчас думаю и пишу о ней.

В самом деле, как можно без волнения думать о Тарасовой — Негинной в «Талантах и поклонниках», о Тарасовой — Тугиной в «Последней жертве», о Тарасовой — Маше в «Трех сестрах»...

Тарасова для меня — это синоним прекрасного, русского в мировом искусстве театра.

От всей души поздравляю любимую актрису, дорогого товарища с ее славным юбилеем! Верю и надеюсь, что еще не раз встречу с ней в искусстве и как актер, и как режиссер.

Ко всем этим словам привета, любви, благодарности позволю себе прибавить и только что нарисованный мной специально для «Литературной России» профиль Аллы Константиновны.

Здесь можно было бы поставить точку, но я полагаю, что на юбилейном торжестве не помешает и толика юмора. Хочется мне рассказать об одном эпизоде, связанном с той порой, когда Тарасова была директором МХАТа. (Признаюсь честно и, разумеется, с улыбкой, что меньше всего я любил ее в этой роли.)

Так вот. Однажды Алла Константиновна собрала заседание художественного совета, чтобы определить новое название пьесы, которая тогда репетировалась в нашем театре. Выдвигалось много различных вариантов. А я сидел и молчал, по привычке рисуя что-то в своем блокноте. Наконец кто-то предложил название — «Под алым стягом». Оно показалось всем наиболее предпочтительным, в том числе и Тарасовой. И тогда она обратилась ко мне:

— А ты все рисуешь! Скажи лучше свое мнение. Не находишь ли ты, что название «Под алым стягом» очень хорошо?

— Пожалуй, — ответил я, — но могу предложить более точное.

— Какое же?

— «Под стягом Аллы»!

И, конечно же, не просто шутки ради вспомнил я сейчас этот эпизод. А ради того, чтобы еще раз и со всей серьезностью подчеркнуть: под стягом Аллы — под стягом вдохновенного, полнокровного реалистического искусства — еще не одно поколение актеров пройдет по жизни.

Многих лет тебе жизни, дорогая Алла!

Многих побед в искусстве!